

Ирина Головачева

За солнцем:

CASE STUDY ОЛДОСА ХАКСЛИ НА ФОНЕ
КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
МИГРАЦИИ БРИТАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В МЕЖВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ¹

Irina Golovacheva

On the Trail of the Sun: Aldous Huxley's Case Study Against the Background of Continental and Transatlantic Migration of British Writers in the Inter-War Decades

Ирина Головачева (Санкт-Петербургский государственный университет; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, профессор; доктор филологических наук) igolovacheva@gmail.com.

Irina Golovacheva (Dr. habil.; Professor, Saint Petersburg State University; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky) igolovacheva@gmail.com.

Ключевые слова: британская культурная элита за границей, самоизгнание, мода на солнце, Санари, пацифизм, бегство от фашизма и войны, Голливуд

Key words: British cultural elite abroad, self-exile, the sun trend, pacifism, flight from fascism and war, Hollywood

УДК: 821.111+82-92

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_143

UDC: 821.111+82-92

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_143

Европейские и трансатлантические перемещения Олдоса Хаксли рассматриваются в статье как пример добровольной релокации. Автор определяет сложный комплекс внутренних причин и внешних обстоятельств, высвечивающих закономерность выбора, который Хаксли делал не в пользу Англии. К четверти века, прожитой им в США, следует добавить примерно двенадцать лет, проведенных в Италии и Франции еще до окончательного трансатлантического переселения. Материалом послужили тексты Хаксли, его корреспонденция, мемуары его друзей, архивы Хантингтонской библиотеки и, наконец, интервью автора с Лаурой Арчерой Хаксли (1911—2007), вдовой писателя.

The paper examines Aldous Huxley's European and transatlantic relocations as a case of self-exile. The author identifies a set of internal reasons and external circumstances that highlight the pattern of Huxley's choice against living in England. The quarter of a century he spent in the United States, where he finally settled, must be added to the twelve or so years he spent in Italy and France. The material used in the paper includes Huxley's texts, his correspondence, the memoirs of his friends, the archives of the Huntington Library, and, finally, the author's interview with Laura Archera Huxley (1911—2007), the writer's widow.

Британский классик Олдос Хаксли, родившийся в графстве Суррей в 1894 году, провел вторую половину жизни в США и умер в доме на Голливудских холмах 22 ноября 1963 года, в день убийства президента Джона Ф. Кеннеди. Однако еще до того, как окончательно обосноваться в Новом Свете в 1937 году, писатель старался как можно меньше времени проводить на родине. Биографы

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00584, <https://rscf.ru/project/25-28-00584/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Хаксли, даже останавливаясь на теме релокации, говорят лишь о заокеанском периоде его творчества. При этом совокупное «неприсутствие» писателя в Британии до сих пор не привело хакслеведов к вопросу о том, что стояло за столь упорной добровольной экстратерриториализацией. А между тем к четверти века, прожитой им в США, стоит добавить и время, проведенное им в Италии и Франции еще до окончательного трансатлантического переселения, то есть еще примерно двенадцать лет. Наши дальнейшие рассуждения призваны определить сложный комплекс внутренних причин и внешних обстоятельств, высвечивающих закономерность его выбора не в пользу Англии. Мы будем опираться на тексты Хаксли, его корреспонденцию, мемуары его друзей, архивы Хантингтонской библиотеки (The Huntington Library, San Marino, California) и, наконец, на наше собственное интервью с Лаурой Арчерой Хаксли (1911—2007), второй женой Олдоса, взятое в их доме на Голливудских холмах, где умер писатель².

Начнем с эссе Хаксли, осмысляющего тему «англичанина вне Англии», «Самоизгнание и литература» («Exile and Literature»), опубликованного в декабрьском номере журнале «Wings» за 1930 год, в котором он рассуждает об английских литераторах XIX века, а также о его современниках, живущих за границей³.

Эссе открывается отсылкой к книге «Художник как американец» («Portrait of the Artist as American», 1930) Мэтью Джозефсона об исходе американских писателей в Европу⁴. Надолго не задерживаясь на феномене американцев-экспатриантов, Хаксли перечисляет знаменитых британских литераторов, которые провели большую часть своей жизни за пределами Великобритании: лорд Байрон, Перси Биши Шелли, Джон Китс, Роберт Браунинг, Роберт Льюис Стивенсон, Уилфрид Сквен Блант, Ричард Бертон, Уолтер Ландор, Макс Бирбом, Д.Г. Лоуренс, Норманн Дуглас, Комптон Маккензи и Бретт Янг. Остальных, не называя имен, Хаксли классифицирует как «перелетных» писателей-мигрантов, проводящих каждые полгода вне Англии. Главный тезис Хаксли:

-
- 2 Выражаю благодарность Fletcher Jones Foundation за исследовательский грант, позволивший мне работать с данным фондом в Хантингтонской библиотеке в 2004 году, а также Бернфриду Нугелю, договорившемуся с Лаурой Арчерой Хаксли о моем интервью.
 - 3 Это забытое эссе Хаксли сравнительно недавно опубликовано (*Huxley A. Exile and Literature // Aldous Huxley Annual. 2016. Vol. 16. P. 126—127*). Эссе написано отнюдь не для авиационного журнала «Крылья» («Wings, American aviation magazine»), как ошибочно определил издание его видный хакслевед Джеймс Секстон [*Sexton 2016: 6*], а для одноименного журнала Литературной гильдии Америки «Wings: The Official Publication of the Literary Guild of America».
 - 4 Рассуждая о миграции американских литераторов в Европу, Мэтью Джозефсон задается следующим вопросом: «Станет ли эмиграция интеллектуалов столько же всепоглощающей, как иммиграция рабочей силы? Сегодня в Европе на улицах древних городов... на благословенных берегах внутреннего моря, взрастившего великие народы, где повсюду встречаются отдельные нервные стайки, мечущиеся подобно рою капризных мошек между двух миров, мы натываемся на этих одиноких странников (wonderers), беглецов (fugitives), изгнанников (exiles)» (*Josephson M. Portrait of the Artist as American. New York: Harcourt; Brace, 1930. P. 294—295*). В 1934 году Малколм Каули в книге «Возвращение эмигрантов» высмеял американских писателей, потянувшихся в Европу в 1920-х годах, квалифицировав их «не столько как переселенцев, сколько беженцев» (*not so much exiles as refugees*) (*Cowley M. Exile's Return: A Narrative of Ideas. New York: W.W. Norton, 1934. P. 240*).

не существует никакой универсальной философии экспатриации, как не существует и одного-единственного объяснения того, почему столь значительное число британских литераторов предпочли континент Туманному Альбиону.

Говоря об отъехавших писателях, Хаксли, вторя Джозефсону, использует следующие термины: странники (wanderers), беглецы (fugitives), изгнанники (exiles) и беженцы (refugees). Все названные в эссе «Самоизгнание и литература» причины экстратерриториализации писателей составляют комплекс обстоятельств, в дальнейшем предопределивших сюжет его собственных блужданий по Европе, а затем и переселения в Южную Калифорнию⁵. Посмотрим на перечисленные им причины:

Некоторые отправились за границу после того, как достаточно решительно *рассорились со средой*, в которой родились (Курсив здесь и далее в цитате наш. — И.Г.). К их числу принадлежали Шелли и Байрон. Многие из их уважаемых современников несомненно заявили бы, что, подобно преступникам, отправленным в Ботнический залив, они «отечество свое покинули ему во благо». У других писателей не было столь острой и болезненной причины для отъезда за границу, они просто *испытывали неприязнь к своей стране*, считая ее губительной для духа, и потому пустились на *поиски свободы, которая полнее ощущается среди равнодушных чужаков, нежели на родине*. К такой категории относился Лоуренс, а также Лэндор, Скавен Блант и Ричард Бертон.

Есть и такие, которые покинули Англию, чтобы *поправить здоровье*. К ним относятся Китс и Роберт Льюис Стивенсон. И наконец, но не в последнюю очередь особую многочисленную группу составляют писатели, предпочитающие проживать за границей в какой-то степени по уже перечисленным мною причинам, но главным образом потому, что в последнее время *жить в Италии и Франции — можно назвать и любую другую страну — дешевле, чем в Англии...* Раз так — стоит ли удивляться, что чувствительные натуры, на которых убожество и уродство нищеты, присущие северной стране, производят столь депрессивное впечатление, предпочли (поняв, что их профессия позволяет жить там, где им нравится) переехать туда, где жизнь дешевле и где *золотые солнечные лучи* служат дополнительным источником богатства, чудесным образом утяжеляя золотые монеты в карманах?

Вспоминаю кусок из «Жизни» Босуэлла, где описывается, как доктор Джонсон облил презрением кого-то, кто предположил, что есть люди, которым может нравиться жить за границей из-за климата. Это смехотворно, возразил доктор. Это все равно что предположить, что раз кому-то нравится колбаса, то ему следует отправиться в Болонью, родину болонской колбасы. Отнюдь: выбирая между климатом и хорошей беседой, всякий разумный человек выберет беседу. Но лично мне — а я не очень общителен и к тому же люблю солнечный свет — трудно согласиться с доктором Джонсоном. Время от времени беседа чудесна, однако я не числю ее среди тех «важнейших радостей и неиссякаемых удовольствий», которые воспевают данный автор. *А вот солнце всегда солнце, великий бог*. И потому между беседой и климатом я выбираю климат. Точнее, я не делаю окончательного выбора, я стараюсь извлечь лучшее из обоих и так устроить свою жизнь, чтобы проводить, скажем, восемь месяцев в году в хорошем климате, а за приятной беседой оставшиеся четыре. А теперь, когда до Лондона всего каких-то семь часов полета от побережья Средиземного моря, эта двойная жизнь стала легко достижимой⁶.

5 О феномене «экстратерриториальности» в литературе см., например: [Hornung 2004].

6 Huxley A. Exile and Literature. P. 126—127.

В межвоенные десятилетия Хаксли, как и многие его соотечественники, стремился на Средиземноморье потому, что жизнь там была не только существенно дешевле, чем в Англии, но и «эстетически приятней» (aesthetically not unlovely).

Фраза о солнце как о «великом боге» (a great god) также не случайна. Солнечный свет уже много лет определял способность Хаксли видеть: воспаление роговиц, пережитое им еще в отрочестве, во время учебы в Итоне, привело почти к полной слепоте. Два года он мог читать лишь по Брайлю. В дальнейшем яркое освещение, предпочтительно естественное, было необходимо периодически слепнущему писателю, который подрабатывал арт-критиком и публиковал обзоры премьер и вернисажей, путевые заметки о городах, пейзажах, архитектуре и живописи в разных изданиях⁷. Образ Солнца, влюбленного в Землю, появляется не только в этом эссе, но и в стихотворении «Альмерия» (Almeria) того же года, написанном по следам путешествия по Испании:

Здесь нечем ветру шелестеть: напрасно рыщет он
В жестоком свете дней, в зиянии ночей.
Не гнутся ветви, измученный цветок не дрогнет...
А мог бы улететь, сорвавшись с корешка.
Грядущее окрылено, прошедшее иссохло.
Незримы ступни ветра. Семян и листьев не тревожа,
Скользят они по обнаженной дали, чья грудь
Открыта жарким ласкам голого светила —
Солнца, готового лучи дарить любимой.
Счастливая Земля, пожни плоды священной страсти!
Но лишь сухую пыль она рождает: лишь ее
Способна глина зачать от пламени небес.
Пролейся, нежный дождь! И облака грозы
Смягчат любовь, которая неистова, как злоба⁸.

География путешествий и более или менее постоянных мест, выбранных писателем для проживания в течение большей части года, демонстрирует его неизменную любовь к сухому и жаркому климату Южной Европы. Надо заметить, что поклонение Средиземноморью было среди прочего данью моде

7 О работе Хаксли в качестве художественного критика в изданиях «Condé Nast» см.: [Sexton 2005]. Об уровне его знаточества см.: [Golovacheva 2023]. О том, что яркое естественное освещение необходимо слабовидящим, Хаксли написал в главе XVIII «Условие освещения» в книге «Искусство видеть» (*Huxley A. The Art of Seeing*. London: Chatto & Windus, 1943. P. 132–137).

8 Winds have no moving emblems here, but scour / A vacant darkness, an untempered light; / No branches bend, never a tortured flower / Shudders, root-weary, on the verge of flight; / Winged future, withered past, no seeds, nor leaves / Attest those swift invisible feet: they run / Free through a naked land, whose breast receives / The whole fierce ardour of a naked sun. / Thou hast the Light for lover; fortunate Earth! / Conceive the fruit of his divine desire. / But the dry dust is all she brings to birth, / That child of clay by even celestial fire. / Then come, soft rain and thunder clouds, abate / This shining love that has the force of hate (*Huxley A. Cicadas and Other Poems*. London: Chatto & Windus, 1931. P. 51).

1920-х годов, следуя которой «дети солнца», любители загара и жаркого климата, потянулись в Италию и на Французскую Ривьеру⁹.

Среди тех, кто отдал долг солнечной моде предвоенных десятилетий, был Д.Г. Лоуренс, написавший в «Апокалипсисе» (1929—1930) собственный языческий гимн «голому светилу» практически одновременно с «Альмерией» Хаксли:

У солнца великое пылающее сознание, у меня — маленькое пылающее сознание. Когда мне удастся сбросить труху личных переживаний и идей и достичь своего обнаженного солнечного «я», тогда мы с солнцем общаемся часами. <...> Великое солнце подобно яростному дракону, ненавистнику нашего невротического личного сознания¹⁰.

«Viva il Mediterraneo»

С 1921 года Олдос и его жена Мария (Нис) стали проводить много времени в Италии — в основном в Форте-деи-Марми и в Кортине д'Ампеццо, периодически выбираясь оттуда для путешествий. Писатель заключил договор на публикацию «заметок путешественника», чтобы покрыть связанные с поездками расходы. Впоследствии эти тексты вошли в его сборники-травелоги «Вдоль дороги» («Along the Road: Notes and Essays of a Tourist», 1925), «Смеющийся Пилат» («Jesting Pilate», 1926) и «За пределами Мексиканского залива» («Beyond the Mexique Bay», 1934).

Время, которое Олдос и Мария провели за границей в 1920—1937 годах, как уже было сказано, в совокупности составляет примерно двенадцать лет. Как свидетельствовала Сибил Бедфорд, один из главных прижизненных биографов Хаксли, ставшая близким другом семьи, «Олдосу было легче жить и работать там, где он чувствовал себя чужаком» (where he was not actually belonging)¹¹.

Итальянской идиллии, увы, наступил конец, когда к власти пришли фашисты. В 1921 году Хаксли впервые заговорил о «вездесущих фашистах» (ubiquitous fascisti), заморозивших цены: «Мы благодарны им за намерения... но единственным результатом закрепления цен стало отсутствие товаров на рынке»¹². Он был поражен бездействием и покорностью населения, равно-

-
- 9 О «солнечном тренде» межвоенных десятилетий см.: *Spender S. World Within World: The Autobiography of Stephen Spender*. London: Hamish Hamilton, 1951. Также см.: [Green 2018]. Надо заметить, что британские доктора стали прописывать санаторное лечение на юге Франции еще в 1860-е годы. Их рекомендациям последовал среди прочих Р.Л. Стивенсон. Кэтрин Мэнсфилд «проложила путь в Бандоль» другим английским литераторам. Больной туберкулезом Д.Г. Лоуренс провел последние годы на Лазурном берегу и умер в Вансе в 1930 году. До самого конца с ним оставались близкие друзья — Мария и Олдос Хаксли. Последний выступил его душеприказчиком, взяв на себя труд собрать и опубликовать письма покойного друга. Похоронив его в Вансе, Хаксли уехали в Бандоль.
- 10 *Lawrence D.H. Apocalypse*. With an Introduction by Richard Aldington. New York: The Viking Press, 1932. P. 42—43.
- 11 *Bedford S. Aldous Huxley: A Biography*, Vol. I: 1894—1939. London: Chatto & Windus; William Collins Sons & Co, 1973. P. 195.
- 12 *Huxley A. Letters of Aldous Huxley* / Ed. by G. Smith. New York; Evanston: Harper & Row, 1969. P. 199.

душного к многочисленным нарушениям прав человека. Заметим, однако, инертность и самого Хаксли. Ему понадобятся годы, чтобы наконец решиться покинуть фашистскую Италию. Даже став свидетелем грубейшего поведения властей, затронувших и его самого, писатель медлил с отъездом. В письме от 21 июня 1925 года он рассказывает о том, что к ним с Марией домой ворвалась группа молодчиков совершенно бандитского вида, представившихся комиссарами полиции. Они разыскивали профессора Гаэтано Сальвемини, выдающегося историка, известного своими антифашистскими взглядами. Хаксли потребовал предъявить ордер на обыск и пригрозил международным скандалом, после чего комиссары удалились не солоно хлебавши¹³. Лишь в начале 1928 года его терпение иссякло. Вдобавок цены стали высокими, да и коррупция усугубилась. То, что Олдос и Мария не оставили Италию на пару лет раньше, объясняется следующим: в 1925—1926 годах они совершили кругосветное путешествие, побывав в Индии, Юго-Восточной Азии и Америке. В США они посетили Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Нью-Йорк и Чикаго.

В июне 1928 года они сняли дом в Сюрене, пригороде Парижа. Но парижский климат оказался столь же неблагоприятным для писателя, как и лондонский. В 1930 году они твердо решили поселиться на Французской Ривьере: «У Франции два чудесных климата: климат Лазурного берега и климат ее литературы»¹⁴. В конце концов Олдос и Мария остановили свой выбор на доме в рыбацкой деревушке Санари-сюр-Мер, где им предстояло прожить с некоторыми перерывами до 1937 года¹⁵. Вот составленный писателем список земных радостей, которые предоставил им этот райский уголок Средиземноморья: «Солнце, розы, фрукты, тепло: мы купаемся и валяемся на пляже»¹⁶. Удалившись в провинцию, писатель отнюдь не стал отшельником, периодически навещая свою родственницу, писательницу Эдит Уортон, в Йере, а также ее соседей, Шарля и Мари-Лор де Ноай, проживавших на модернистской вилле Сен-Бернар, где Хаксли познакомился с Жаном Кокто, Полем Валери, Сальвадором Дали, Ман Рэем и Бернардом Беренсоном, выдающимся специалистом по итальянскому Возрождению¹⁷.

Главное, что Санари предоставил в распоряжение Хаксли, — это, разумеется, не светская жизнь, а возможность много и плодотворно работать. Жизнь была упорядочена таким образом, чтобы строго отведенные работе часы сменялись отдыхом — любованием пейзажами, морским купанием, рисованием, ежедневным файф-о-клоком вдвоем с Марией и т.д. Именно в Санари он написал десять книг и сотни статей. Всего за четыре месяца — с мая по август 1931 года — был создан «Дивный новый мир» («Brave New World»), принесший Хаксли мировую славу. Рисуя в нем картину не столько далекого будущего, сколько супермодернизированной Америки, писатель не мог и

13 Ibid. P. 249.

14 Из интервью Хаксли 1932 года. Цит. по: [Sexton 2020—2021: 230]. Номер «Aldous Huxley Annual» за 2020/2021 год целиком посвящен отрезку биографии и творчества Олдоса Хаксли и его круга, который пришелся на 1930-е годы, проведенные ими во Франции.

15 О жизни Хаксли в Санари см.: *Bedford S. Aldous Huxley: A Biography*; [Ittis 2019].

16 *Huxley A. Letters of Aldous Huxley*. P. 336.

17 Фасады и интерьеры виллы Сен-Бернар детально представлены в фильме Ман Рэя «Тайны замка дю Де» («Les Mystères du Château du Dé», 1929).

представить себе, что через несколько лет именно Соединенные Штаты станут его убежищем¹⁸.

В 1933 году в Санари перебрались немецкие и австрийские писатели и интеллектуалы, бежавшие от нацистов: Бертольд Брехт, Эгон Эрвин Киш, Томас Манн, Людвиг Маркузе, Йозеф Рот, Франц Верфель и его жена Альма Малер и другие¹⁹. Хаксли стал называть новоприбывших «наши немцы». Леон Фейхтвангер, самый состоятельный из немцев Санари, в одном из писем к Бертольду Брехту не без сарказма отмечает: «Ежедневно [Томас Манн] со всем семейством приходит к утреннему чаю. Затем он завистливо смотрит на белый дом, в котором живет мистер Хаксли, никем не преследуемый и в полной безопасности» (цит. по: [Nieradka 2010: 60]). В свою очередь, Хаксли подшучивал над чванливым Фейхтвангером и его домом. Томас Манн, напротив, был симпатичен Олдосу Хаксли. Автор «Волшебной горы» в письме Герману Гессе, отправленном из Санари, рассказывает, что «сразу ввел в правило вечера, на которых мы — Шикеле, мой брат, Мейер-Грефе, Олдос Хаксли и я — по очереди читаем друг другу из наших новейших произведений»²⁰.

Intermezzo: ненадолго в Англии

К середине 1930-х годов большинство британских интеллектуалов стали одновременно антифашистами и пацифистами. В те годы возникло множество антивоенных ассоциаций и движений, в том числе Лига защиты мира (Peace Pledge Union), одним из самых активных членов которой стал Олдос Хаксли. Работа в Лиге потребовала его личного присутствия в Лондоне, а не только публикаций²¹. И потому самое продолжительное время, проведенное Хаксли в Англии в течение межвоенных десятилетий, пришлось на 1934—1935 годы. Именно тогда он принял участие в многочисленных пацифистских собраниях. Был и визит в Париж, где он выступил на Международном конгрессе писателей в защиту культуры в 1935 году²².

В радиointервью на Би-би-си, вошедшем в цикл бесед «Причины войны» («The Causes of War», 1934), Хаксли говорил о том, что политическая борьба и национализм лишь поводы к вооруженному противостоянию и что истоки военных конфликтов следует искать не в социальной, а в психологической сфере. Война в его представлении — это коллективное помешательство, вызванное

18 Об американских контекстах «Дивного нового мира» см., например: [Головачева 2017: 64—68, 86].

19 О жизни немецких эмигрантов см., например: [Flugge 2008; Mauthner 2007; Nieradka 2010; Palmier 2006; Rohmann 2020—2021].

20 Манн Т. Письма / Изд. подгот. С.К. Афт. М.: Наука, 1975. С. 38.

21 Huxley A. Sadist Satisfactions in War // *The Listener*. 1934. November 14. P. 799—802; Huxley A. Lettre sur la guerre et la psychologie de «individu» // *L'Esprit, l'éthique et la guerre*. Paris: Institute international de cooperation intellectuelle, 1934. P. 58, 67—68; *Encyclopaedia of pacifism* / Ed. by A. Huxley. London: Chatto & Windus, 1937.

22 Хаксли был разочарован Парижским конгрессом, не усмотрев в происходивших на нем дебатах ничего конструктивного, что могло бы предотвратить войну. Писателя особенно взбесили коммунисты, демагоги и циники, продемонстрировавшие «полное пренебрежение истиной и приличиями, свойственным культурной жизни» (complete indifference to truth and the common decencies of civilized existence) (Huxley A. *Letters of Aldous Huxley*. P. 397).

садистическими влечениями. Он полагал, что справиться с этой болезнью можно лишь с помощью психотерапии. Сам Хаксли, впрочем, не питал особых надежд на то, что психологическая антивоенная «вакцина» будет разработана в обозримом будущем. Его пацифистские рецепты, например групповые медитации и отказ от противостояния злу, были тогда высмеяны поэтом и романистом Сесилом Дэй-Льюисом, в те годы членом Компартии Великобритании, в памфлете «Мы не собираемся не делать ничего» («We Are Not Going to Do Nothing»)²³.

В 1936 году пацифистское движение раскололось на два лагеря. По мере того как отношения между Британией и нацистской Германией делались все более напряженными, ухудшалось и общее отношение к Лиге защиты мира, чьей принципиальной установкой был диалог, а не военное противостояние. Эта позиция навлекла на Лигу безосновательные обвинения в симпатии к фашистам. То, что активная работа Хаксли в защиту мира не дала никаких результатов, привело к разочарованию и вызвало у него очередной эпизод депрессии. Плюс ко всему набрал силу и Британский союз фашистов. «Будем надеяться на то, что и нам не придется удирать, когда Том [сэр Освальд] Мосли придет к власти» — полушутя писал Хаксли еще в 1933 году²⁴.

Несомненно, одним из главных факторов, предопределивших эмиграцию («бегство») Хаксли в Америку в 1937 году, было ожидание неизбежной, еще более кровавой бойни в Европе — катастрофической даже по сравнению с Великой войной. Тогда все, кто следили за политической повесткой, не сомневались, что миру очень скоро предстоит пережить очередной кошмар, возможно конец цивилизации²⁵. В 1933 году к Хаксли приехал погостить Джеральд Херд, «один из величайших волшебников и мифотворцев, открыватель мистики жизни», как его характеризовал Кристофер Ишервуд²⁶. Рисуя мрачную перспективу грядущей войны, Херд советовал Олдосу и Марии, пока есть возможность, уехать из Европы как можно дальше — желательно в другое полушарие. Думается, прогнозы Херда сыграли значительную роль в решении писателя отправиться в США, по крайней мере на время.

Прежде всего Мария и Олдос решили определить своего единственного сына Мэтью в американский колледж. Параллельно было запланировано со-

23 *Day-Lewis C.* WE are NOT going to do NOTHING: A Reply to Aldous Huxley's "What Are You Going to Do about It" // *The Left Review*. 1936 (<https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/MSH/2/281/1> (дата обращения: 26.01.2025)).

24 *Huxley A.* Letters of Aldous Huxley. P. 375. Седьмого июня 1934 года Хаксли присутствовал в качестве наблюдателя на самом массовом выступлении чернорубашечников — 12 тысяч участников — на арене «Олимпия». Антифашисты попытались сорвать митинг. В завязавшейся потасовке несколько десятков человек получили серьезные увечья. И все это происходило практически при полном бездействии столичной полиции. См. подробно в: *Fascists at Olympia: A Record of Eye-Witnesses and Victims*. London: Victor Gollancz, 1934.

25 Об апокалиптических ожиданиях, связанных с грядущей войной, политиков, интеллектуалов и художников см.: [Overy 2010: 175—218].

26 *Isherwood Chr.* My Guru and His Disciple. New York: Methuen, 1980. P. 304. Джеральд Херд (1889—1971) — британский философ, историк, популяризатор науки, первый ведущий научно-популярных передач на радио Би-би-си. Начиная с 1930-х годов Херд пропагандировал теорию осмысленной эволюции, направленной на развитие сверхсознания. Впоследствии стал основателем Трабуко-колледжа в Калифорнии и одним из лидеров Общества веданты Южной Калифорнии (Vedanta Society).

вместное с Хердом лекционное турне по Штатам, которое позволило бы лучше сориентироваться и подобрать для Мэтью университет. Одной из главных тем лекций должен был стать пацифизм, в частности потому, что в те годы в Америке антивоенное движение получило широкое общественное признание. Так, например, в 1935 году на митингах и шествиях в защиту мира участвовало 150 тысяч студентов в 130 университетских кампусах, а год спустя протестующих было уже полмиллиона. Хаксли надеялся, что Америка не будет участвовать ни в гонке вооружений, ни в войне, что, разумеется, оказалось иллюзией. В южных и западных штатах в полную мощь заработали военные предприятия. Вряд ли писатель признавался самому себе, что уезжает в Америку, чтобы там обосноваться. Возможно, он убеждал себя: устроив Мэтью и закончив читать лекции, он вернется в Европу. Изначально Олдос и Мария намеревались пробыть в Новом Свете девять месяцев. Однако им было суждено остаться там навсегда.

Итак, 7 апреля 1937 года Олдос и Мария Хаксли, а также Джеральд Херд отправились в США на борту «Нормандии». Уже в плавании они обнаружили Маннов, об отплытии которых в Новый Свет не знали²⁷. В Нью-Йоркском порту их встретили журналисты и операторы. Мария, по ее признанию, не имела ни малейшего представления о том, насколько знаменит ее муж. Когда несколько месяцев спустя в печати вышла его книга «Цели и средства» («Ends and Means, 1937»), фотография писателя украсила первую полосу «Нью-Йорк Таймс Бук-Ревью» («New York Times Book Review»).

Олдос и Мария не случайно поселились именно в Голливуде, в пригороде Лос-Анджелеса, а не в Нью-Йорке или Бостоне, что было бы естественно для автора, намеревающегося возвращаться в литературно-издательских кругах. Хаксли впервые побывали в Калифорнии в 1926 году во время кругосветного путешествия. Тогда Олдос написал Джону Стречи о своих впечатлениях:

Что за страна! По сути, все здесь сводится к изобилию всего на свете и к его скачкообразно высокому качеству. Видели бы вы Калифорнию! Это же чистый Рабле, сплошной карнавал! На нашей планете нет ничего более похожего на Утопию... Правда, сутки спустя хочется бежать из этого карнавала в трущобы Петербурга Достоевского²⁸.

Петербург Достоевского, несомненно, был бы немедленно отвергнут Олдосом Хаксли как место, не пригодное для проживания. Пейзажи калифорнийского побережья, напротив, напомнили писателю столь любимую им Италию: «Если добавить немного архитектуры, то иллюзия была бы полной», — провозгласил он в эссе «Америка»²⁹. Годы спустя Кристофер Ишервуд рассказывал:

Как и большинство британцев, Олдос страстно любил калифорнийскую природу. Многие из нас серьезно за него беспокоились: как вы знаете, нельзя забрес-

27 Манны еще раз пересекли Атлантику в том же году, однако в сентябре 1938 года вновь вернулись в США, где Манну была предложена преподавательская должность в Принстоне. В 1940—1941 годах Хаксли и Манны жили на одной улице — Амальфи-Драйв в районе Лос-Анджелеса Пасифик-Палисейдс (Калифорния). В феврале 1942 года Манны переехали в новый дом, построенный ими на Сан-Ремо-Драйв, 1550.

28 *Huxley A. Selected Letters* / Ed. by J. Sexton. Chicago: Ivan R. Dee, 2007. P. 189.

29 *Huxley A. America* // *Complete Essays of Aldous Huxley*. Vol. II. 1926—1929 / Ed. by R.S. Baker and J. Sexton. Chicago: Ivan. R. Dee, 2000. P. 549.

ти в местные луга с их высокой травой и при этом не слышать специфический звук, издаваемый гремучими змеями. Несмотря на это, он стал страстным поклонником калифорнийских просторов. Они с женой прекрасно ориентировались в этих местах, вышагивали по много миль, ездили на автомобиле и верхом³⁰.

Южная Калифорния, особенно Голливуд, стала Меккой эмигрантов в 1930-е годы. Голливуд того периода недаром сравнивали с Флоренцией эпохи Ренессанса, куда в свое время бежали греческие интеллектуалы после падения Константинополя. Отвечая на вопрос, почему же Хаксли предпочел Лос-Анджелес всем остальным американским городам, обратимся к свидетельству его близкого друга, романистки и сценаристки Аниты Лус, автора «Джентльмены предпочитают блондинок» («Gentlemen Prefer Blondes», 1925), романа, от которого он пришел в восторг. Вот как она объясняет их общую любовь к Лос-Анджелесу:

Ни одно место на земле не дает так много поводов для смеха, как Лос-Анджелес и его окрестности, где наличествует поразительный ассортимент чудачков и болванов, невероятных религиозных культов, неизменно служивших Хаксли источниками развлечений и удовольствий³¹.

Другая подруга Хаксли, Пегги Кискадден, одна из первых взявшая под свое крыло в Голливуде новоприбывших Олдоса и Марию, подтверждала, что они были в восторге от бьющей через край энергии и не в последнюю очередь от живительного климата Калифорнии, который, как они надеялись, поможет Олдосу справиться с давно мучившим его хроническим бронхитом. Не будем забывать и об особом культурном климате Калифорнии, вполне оправдававшем, по крайней мере до поры до времени, надежды на обретение интеллектуальной и духовной «свободы, которая полнее ощущается среди равнодушных чужаков, нежели на родине», — эти слова из уже упомянутого нами эссе Хаксли «Самоизгнание и литература», равно как и другие перечисленные там причины релокации, в точности соответствует устремлениям писателя, за все годы отсутствия на родине ни разу не выказавшего даже малой толики ностальгии.

Справедливости ради надо отметить, что, скорее всего, Хаксли не попал бы на фабрику грез без протекции Джейкоба Цейтлина, Аниты Лус и Греты Гарбо — с последней он познакомился в салоне актрисы и сценаристки Салки Виртель. За короткое время Хаксли сблизился и с другими знаменитостями — Джорджем Кьюкором, Чарли Чаплином и с его тогдашней женой, блистательной актрисой Полетт Годдар, которая покорила Олдоса красотой, живостью и умом. Его первым проектом в Голливуде стала работа на студии «Metro Goldwyn Mayer» в 1938 году в качестве сценариста. В начале MGM предложила ему написать сценарий по книге «Бремя страстей человеческих» («Of Human Bondage», 1915) Сомерсета Моэма. В ответ он сказал: «Я, конечно, английский писатель, но вовсе не такой!»³² Он терпеть не мог Моэма, равно как и Джона Голсуорси, чью «Сагу о Форсайтах» ему также предложили переработать в сценарий. Получив отказ, студия решила использовать талант Хаксли в работе

30 Интервью К. Ишервуда // Aldous Huxley Oral History Papers 1985—1990. The manuscript collection of The Huntington Library. Transcripts, НМ 56897-56907. Box 4.

31 Loos A. Aldous Huxley in California // Harper's Magazine. 1964. May. Vol. 228. P. 53.

32 Aldous Huxley Oral History Papers. НМ 56886. Box 1.

над сценарием фильма о мадам Кюри. Кроме «Мадам Кюри» («Madame Curie», 1943) ему довелось поработать на картинах «Гордость и предубеждение» («Pride and Prejudice», 1940), «Джейн Эйр» («Jane Eyre», 1943) и «Алиса в Стране Чудес» («Alice in Wonderland», 1951) Уолта Диснея.

В 1930-е годы Лос-Анджелес приютил многих писателей — среди прочих Томаса Манна³³. Совместно с Джеральдом Хердом и впоследствии Кристофером Ишервудом Хаксли стал изучать восточные практики освобождения. В большей мере, чем любые другие англо-американские писатели, Хаксли выразил устремления свободомыслящих космополитов, новое мироощущение, требовавшее адекватной религиозной философии, которая синтезирует мудрость Востока (йогу, дзен-буддизм, даосизм, махаяна-буддизм) и научный прагматизм Запада. Писатель, вероятно, надеялся, что при правильном руководстве депрессия, которая регулярно его мучила, и страхи перед будущей войной и возможной революцией благополучно рассеются.

Калифорния предоставила в распоряжение Хаксли не только изумительный климат, исключительно благоприятный для его слабого здоровья, но и яркое солнце, необходимое периодически слепнувшему писателю. Работа в Голливуде дала ему возможность получать немислимые по европейским меркам доходы, верный заработок, позволявший дожидаться момента, когда будет закончена и продана очередная книга.

В середине 1930-х годов Лос-Анджелес стал постепенно заполняться беженцами, которые противопоставляли себя иммигрантам. Именно этим различием между «беженцами» и «экспатами» объясняется, по всей видимости, презрение, которое Бертольд Брехт выказал Кристоферу Ишервуду, поселившемуся по соседству с ним в Санта-Монике. Ишервуд уехал в Америку в 1939 году, незадолго до начала войны, посылая с борта корабля, увозившего его и поэта Уистена Одена в Нью-Йорк, проклятия в сторону обезумевшей Европы. В автобиографических текстах Ишервуд нисколько не скрывал ужаса, который охватывал его при мысли о войне, и горького разочарования в жалких результатах антифашистской борьбы. Он убеждал друзей, что в случае войны вернется в Англию. Скорее всего, он лукавил, пытаясь отодвинуть тяжкий момент, когда уже нельзя будет скрыть тот факт, что решение о бегстве принято. Сказанное не ставит под сомнение искренние пацифистские убеждения Ишервуда. Однако очевидно, что писатель был намерен найти свое место в американской литературной среде.

Голливуд дал Хаксли и Ишервуду возможность время от времени отвлекаться от подступающей мировой катастрофы. Так, отмечая выход своего первого американского романа «И после многих весен» («After Many A Summer Dies the Swan», 1939) о калифорнийском миллионере, одержимом идеей вечной жизни (прототипом был медиамагнат Уильям Рэндольф Херст), Хаксли устроил вечеринку. К концу праздника к небольшой группе гостей — Ишервуду, Гарбо, Манну, проживавших по соседству с Хаксли в Пасифик-Палисейдс, — присоединился Орсон Уэллс. Последнему тоже вскоре предстояло поработать над образом медиамагната в фильме «Гражданин Кейн» (1941).

33 О роли, которую сыграла культура Америки в творчестве Хаксли, см.: [Meckier 2001]. Об английских писателях, трудившихся над сценариями в голливудских киностудиях, см.: *Loos A. Aldous Huxley in California // Harper's Magazine. 1964. May. Vol. 228. P. 53, а также: [Baxter 1976; Dunaway 1989; Morley 2006; Scott 2010; Taylor 1983].*

Херст послужил прототипом и Чарльза Фостера Кейна, главного героя киноленты Уэллса.

В одном из интервью Пегги Кискадден рассказывала о нескольких забавных эпизодах жизни этого круга, в частности об атмосфере вечеринок у Салки Виртель, когда Чаплин, пользуясь случаем, проверял эффект, производимый придуманными им для очередной картины трюками и жестами, чтобы взять на заметку те, над которыми больше всего смеялись гости. Комичности ситуации добавляли и невпопад звучащие реплики Олдоса, задающего вопросы по медицине Уильяму Кискаддену, своему лечащему врачу. Услышав: «А скажите, доктор...», — Пегги давала возможность Грете Гарбо, до того сидевшей поодаль, перебраться поближе и ничего не упустить в этой мизансцене³⁴. В том же интервью Пегги вспомнила и Пасху 1939 года, которую было решено отметить пикником на Голливудских холмах. Ишервуд, Джидду Кришнамурти и еще человек десять гостей поднялись наверх к роще. Мария Хаксли привела приобретенного ею козленка, решив таким образом символически отметить возрождение и обновление жизни. Закусив снедью, принесенной гостями, все разошлись в разные стороны, дабы не толпиться на природе en masse. Вряд ли кто-либо из участников мог предположить, что они отмечают последнюю довоенную Пасху.

Вечеринки, разумеется, не занимали все время Хаксли, ежедневно проводившего утренние, самые плодотворные часы за пишущей машинкой.

Эмиграция и война

Третьего сентября 1939 года Англия вступила в войну с Германией. Реакция соотечественников на невозвращение таких известных, прославившихся своим пацифизмом писателей, как Хаксли и Ишервуд, была вполне предсказуемой: англичане в большинстве своем сочли их дезертирами. Уже в 1939 году английские газеты открыли на них сезон охоты, дав им прозвище «вознесенные ветром» (*Gone With the Wind Up*), подчеркивая тем самым, что писатели эмигрировали в Калифорнию, для того чтобы иметь возможность медитировать и тем самым достичь просветления. Так, в рецензии на роман Хаксли «Через много лет» говорится: «Удариться в мистицизм — не лучший совет миллионам людей, которые уже вынуждены заглянуть в лицо жестокой смерти»³⁵.

Практически сразу после начала войны в Калифорнии обосновался еще один старинный приятель Хаксли, знаменитый философ и математик Бертран Рассел. В отличие от Хаксли и Ишервуда, с началом бомбардировок Англии Рассел изменил своим пацифистским убеждениям. Вот его слова из письма от 19 января 1941 года: «Когда вы вдали от дома, патриотические чувства обостряются»³⁶. Стремясь объяснить резкую перемену своего мировоззрения, Рассел заявил: «Я остаюсь пацифистом в том смысле, что считаю состояние мира самым важным на свете, но я не думаю, что на земле может установиться мир, пока благоденствует Гитлер»³⁷. Расселу, пожалуй, пришлось хуже других знаменитых

34 Aldous Huxley Oral History Papers 1985—1990. Transcripts. HM 56886. Box 1.

35 Цит. по: [Dunaway 1989: 135].

36 *The Selected Letters of Bertrand Russell: The Public Years, 1914—1970* / Ed. by N. Griffin. London; New York: Routledge, 2002. P. 388.

37 Цит. по: *Moorehead C. Bertrand Russell. A Life*. London: Viking Adult, 1992. P. 429.

эмигрантов в Америке, где его книга «Брак и мораль» («*Marriage and Morals*», 1929) вызвала шквал возмущения. Такого резкого наступления на священные устои брака Америка не снесла. В результате философа, защитника промискуитета, не приняли вначале в Университет города Нью-Йорка, а затем отказали и в профессорской должности в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес), что лишило студентов возможности прослушать его знаменитый курс логики.

Хаксли и Ишервуд также искали ответ на вопрос о том, как следует поступать пацифистам во время войны. Религия веданты, практике которой они посвятили много сил и времени, лишь укрепила их веру в то, что во время войны пацифисту следует еще больше упорствовать в своем пацифизме. В интервью, которое Ишервуд дал Дэвиду Данауэю, он кратко описал, как их тогда воспринимали в Англии:

На родине... считали, что Олдос перебрался в Америку, потому что у него «сдали нервы» (a failure of nerve) — этим расхожим выражением обозначали потерю смысла жизни. Однако, думаю, вряд ли кто-нибудь сомневался в искренности намерений Хаксли. Что до его пацифизма, то ведь он декларировал его задолго до всего, еще в 1935 году³⁸.

Действительно, занимаемая релокантами позиция зачастую не находила сочувствия на родине. Весьма характерным и притом вполне сдержанным был текст, опубликованный Сирилом Коннолли, знаменитым критиком, в февральском номере нового журнала «*The Horizon*» за 1940 год (соредактором этого издания был близкий друг Ишервуда писатель Стивен Спендер):

...отъезд Одена и Ишервуда в Америку год назад — это наиболее значительное для литературы событие со времен Войны в Испании. Весьма печально, что они стали осваиваться на новом месте и посылать весточки домой именно тогда, когда мы вступили в войну с Германией. <...> Они натурализуются в Америке, в стране, из которой еще несколько лет назад художники в ужасе бежали... <...> Первый раз начиная с XVIII века беженцы-англичане, воспевшие Рим, Флоренцию, Венецию, Капри и Кап-Ферра, направляются на запад³⁹.

Нельзя не заметить, что Коннолли с трудом скрывает разочарование, раздражение и даже зависть. Он называет переместившихся в США писателей «дальновидными» (far-sighted) беглецами, «покинувшими тонущий корабль европейской демократии», «сбежавшими в страну богатых возможностей»⁴⁰. Надо заметить, что следующий тезис Коннолли показал его прозорливость: «Чем бы ни закончилась война, Америка все равно выиграет. Она невероятно обогатится материально, и столь же невероятно — культурно (благодаря беженцам)»⁴¹.

В том же февральском номере «*Horizon*» опубликован и текст Спендера, решившего пристыдить уехавших из Британии пацифистов. Среди прочего в нем говорится: «Если взять войну вроде теперешней, то пацифист — это тот, кто политически самоустранился и таким образом, возможно, помогает противнику»⁴². Вот что Ишервуд написал Спендеру в ответ:

38 Aldous Huxley Oral History Papers. HM 56897—56907. Box 4.

39 Connolly C. The Commentary // *The Horizon*. 1940. Vol. 1. No. 2. February. P. 68—69.

40 Ibid. P. 68—70.

41 Ibid. P. 69.

42 Spender St. September Journal 1 // *The Horizon*. 1940. Vol. 1. No. 2. February. P. 102—121.

Моя эмиграция не была поспешным бегством. Она была продуманным шагом, давно запланированным (Курсив здесь и далее в цитате наш. — И.Г.). <...> Даже британские представители в Америке считают, что всем, кто оказался в США, следует оставаться на месте. Да и что бы я стал делать дома? Ходить на демонстрации протеста? <...> Почему я решил принять американское гражданство? Потому, что полагаю, что будущее английской культуры принадлежит Америке и что построению этого будущего будет способствовать самая интенсивная из всех возможных культурных иммиграций⁴³.

Градус недовольства «релокантами» на родине возрастал. Так, Уинстон Черчилль, Кеннет Кларк (знаменитый искусствовед) и Сомерсет Моэм убеждали Гарольда Николсона, политика и литератора, написать обвинительную статью в «The Spectator». Николсон сначала отказывался, желая сохранить приятельские отношения с «обвиняемыми», но в конце концов опубликовал критический текст в апрельском выпуске 1940 года. Сравнительно мягкая отповедь Николсона содержала вполне резонный вопрос: «Как можно провозглашать там, за океаном, что мы сражаемся за свободу мысли, когда четверо из наших самых свободомыслящих интеллектуалов отказываются сражаться вместе с нами?»⁴⁴ Текст Николсона лишь подстегнул недоброжелателей. Дело дошло даже до слушаний в Парламенте, инициированных сэром Джослином Лукасом под влиянием ряда провокационных публикаций, содержащих искаженные факты. К счастью, все разъяснилось и вопрос о «дезертирстве» был закрыт. А между тем Хаксли и Ишервуд, горько переживавшие унижение, неоднократно обращались за соответствующими указаниями в Британское посольство в США и неизменно получали вежливый отказ всерьез рассмотреть их кандидатуры «новобранцев»: оба писателя были признаны негодными к военной службе — почти слепой Хаксли не был годен к несению даже гражданской службы, а Ишервуд к началу войны формально вышел из призывного возраста.

Когда в 1940 году Сибил Бедфорд добралась до Южной Калифорнии, она увидела несчастного, измученного Олдоса. Она нисколько не усомнилась в том, что его устойчиво депрессивное состояние объяснялось тягостными мыслями о родных и друзьях, оставшихся в разоренной Европе. Вряд ли писателя утешал тот факт, что его судьбу разделяли и другие англичане-интеллектуалы.

Такие британские знаменитости, как композитор и убежденный пацифист Бенджамин Бриттен, поэты Луис Макнис, Сесил Дей Льюис, прозаики и драматурги Джеймс Хилтон, Доди Смит, Джон Ван Друтен, также переселились в Америку незадолго до Второй мировой войны. Было ли это бегством от грядущей неминуемой катастрофы? Ответ зависит от конкретных обстоятельств и убеждений каждого из них. Так, например, Сомерсет Моэм, также живший в США, в основном в Голливуде, в военные годы, сочинял патриотические речи, направленные на то, чтобы убедить Америку оказать военную помощь

43 Цит. по: [Parker 2004: 401—402]. Ишервуд апроприировал в комплекс представленный о собственной эмиграции в мемуарах, озаглавленных «Утраченные годы» («Lost Years: A Memoir 1945—1951», 1971), сюжет об эмигранте, придуманный Генри Джеймсом, самым известным из «трансатлантических» писателей. Об этом см.: [Golovacheva 2018]. Интересна мысль Уистена Одена, который сказал: «Писателю-европейцу следует отправиться на Запад, повернув вспять паломничество Генри Джеймса» (цит. по: Spender S. World Within World. P. 300).

44 Nicolson H. The War Years. New York: Atheneum, 1967. P. 65.

Британии. Следовательно, можно утверждать, что он трудился во благо воюющей родины. Однако Хаксли, работая в Голливуде, демонстративно не участвовал в создании ура-патриотических (win-the-war) киноагиток. Его отказ от пропагандистской работы привлек внимание ФБР, с тех пор не ослабевавшее.

Вот что говорил о состоянии писателя его литературный агент и приятель Джейкоб Цейтлин:

Есть те, кто считают, что Хаксли следовало остаться в Англии и возглавить пацифистское движение. Думаю, он мудро поступил, решив, что это все равно что попытаться остановить морскую стихию. Еще одно: в Британии его здоровье было подорвано, а условия жизни были скверные. Он не хотел иметь никакого отношения к войне, потому что не верил, что в ней есть хоть какой-то смысл. С другой стороны, он не хотел, чтобы его считали предателем Англии. <...> Он верил, что корни войны в том, что человек отделился от вселенной и Божественного Основания, в то, что, если хочешь чего-то достичь, то сможешь этого достичь, учась, стараясь обрести базовую духовность, при которой войну невозможно рассматривать как альтернативу миру⁴⁵.

Надо отметить, что не все британские деятели культуры остались в США, решив переждать войну в безопасности. Так, например, Бенджамин Бриттен и его партнер, тенор Питер Пирс, вернулись в Британию. Их решение отправиться в сражающуюся Европу посреди войны, в 1942 году, и предстать перед осуждавшими их соотечественниками было смелым поступком. Само собой разумеется, что и сам по себе такой «морской вояж» через океан, нашпигованный подводными лодками, минами и военными судами, был сопряжен со смертельным риском: корабль, направляющийся в Европу, могли в любой момент потопить с воды и с воздуха. На борту корабля Бриттен написал «Гимн Святой Цецилии» («Hymn to St. Cecilia», 1942) для пятиголосного хора на слова «Гимна в честь дня Святой Цецилии» («Anthem for St. Cecilia's Day (for Benjamin Britten)», 1940—1942), стихотворения У. Одена, посвященного Бриттену, а также сочинил цикл песен для хора мальчиков и арфы «Рождественские колядки» («A Ceremony of Carols», 1942).

Луис Макнис, один из самых известных в 1930-е годы британских поэтов, сначала намеревавшийся остаться в Штатах, вернулся, несмотря на то что все его американские приятели убеждали его остаться⁴⁶. Он дочитал лекционный курс в Корнельском университете и отправился на родину в уверенности, что жить вдаль от сражающейся Британии — это трусость и эскапизм. Поскольку его не брали на фронт из-за плохого зрения, он поступил на службу на Би-би-си сначала как фрилансер, а затем на постоянную должность в отдел пропаганды. Однако Макнис был единственным (!) английским литератором, вернувшимся на родину, чтобы спасти репутацию.

Хаксли наверняка сравнивал себя и с теми, кто никуда не уезжал, а сражался или работал в тылу в Англии. Так, например, романистка Элизабет Боуэн служила в противовоздушной обороне Лондона. 59-летняя писательница Роуз Макоули работала санитаркой. Ей было поручено доставлять откопанных из-под развалин домов раненых в больницу, оказав им первую помощь. Пи-

45 Aldous Huxley Oral History Papers 1985—1990. Transcripts, HM 5687—56896. Box 1.

46 О Макнисе и других литераторах накануне и во время Второй мировой войны см., например: [Ellis 2015: 67—69, 72, 84, 98, 15; MacDonald 2009; Stallworthy 1995].

сатель Генри Грин служил пожарным. Его обычная смена длилась 48 часов, затем ему давали сутки отдыха. Грин был среди тех, кто тушил полыхающее здание Парламента после прямого попадания первой авиабомбы. Ивлин Во служил в морской пехоте.

Из перечисленных фактов складывается крайне невыгодный для «невозвращенцев» фон. Дело не в том, были Ишервуд и Хаксли пригодны к строевой службе или нет. При желании они, подобно их коллегам по литературному цеху, могли бы приносить пользу и в атакуемой Англии.

Хаксли не нуждался в напоминаниях о том, что он окружен калифорнийским комфортом в самые катастрофичные для Европы времена. Когда студия MGM предложила ему контракт сценариста, писатель сначала отказался, узнав, что будет получать огромную сумму денег — 2500 долларов в неделю. Он заявил, что не может принять такую сумму за работу в приятной студийной обстановке в то время, когда его родственники и друзья живут впроголодь в Англии под бомбами. Анита Лус не без труда уговорила его подписать контракт хотя бы для того, чтобы иметь возможность высылать им деньги. Писатель отсылал большую часть денег в Европу родственникам, друзьям, а порой и вовсе не знакомым людям. Так, например, он перечислил крупные суммы нескольким совершенно не знакомым ему еврейским семьям, что дало им возможность эмигрировать в США.

В 1942 году Олдос и Мария Хаксли приняли решение удалиться в башню из слоновой кости, точнее, в деревянный домик посреди пустыни Ллано, где они прожили до 1947 года. Эта очередная релокация отражала настроение писателя, желавшего медитативного и вместе с тем деятельного уединения, которое помогло бы справиться с горестными размышлениями, депрессией и разнообразными психосоматическими проблемами. Рядом с хижинкой были сад, огород и виноградник. И все эти земли Хаксли с энтузиазмом обрабатывали сами. По свидетельству Пегги Кискадден, бывавшей у них в гостях:

Они прекрасно обжились, как настоящие американцы, подружившись со всеми фермерами Антилопи-Валлей (Antelope Valley). Подобно им, Олдос все знал о злаковых культурах. Марии, кажется, нравилось в Ллано. И Олдосу. Олдос обожал давить виноград по старинке, босыми ступнями, подвернув штанины. В Ллано он научился водить машину... Для него это много значило, ведь прежде его всегда и всюду возили⁴⁷.

Ишервуд, также неоднократно заезжавший в Ллано, свидетельствовал:

Олдос не смотрел на соседей свысока. Он, казавшийся настолько выше всего, что его окружало, был обворожительно мил. Нередко соседи захаживали в их с Марией хижину и болтали о дикой природе, урожае и всякой всячине — Олдос на равных принимал участие в разговоре⁴⁸.

За годы, прожитые в Ллано, Хаксли написал роман «Время должно остановиться» («Time Must Have a Stop», 1944), обширную комментированную антологию «Вечная философия» («The Perennial Philosophy», 1945) и другие тексты нон-фикшен. При этом он не оставил работу сценариста, работая над сцена-

47 Aldous Huxley Oral History Papers. HM 56886. Box 1.

48 Aldous Huxley Oral History Papers. HM 56897—56907. Box 4.

рием «Джейн Эйр». Не забудем и того энтузиазма, с которым он занимался земледелием.

Хаксли были вынуждены покинуть Ллано после того, как у писателя развился сильнейший аллергический дерматит во время работы в саду. Каждый раз по возвращении в пустыню из Лос-Анджелеса болезнь вспыхивала с новой силой. Пришлось перебраться сначала в горы Сан-Габриэль, так как воздух там был чище, а жара слабее. Но в итоге они возвратились в Лос-Анджелес.

Сводки с фронтов нисколько не поколебали отношения Олдоса Хаксли к войне. Даже в глазах некоторых американцев его вполне искренний пацифизм не выглядел убедительным. Так, еще в 1942 году известный астроном, друг Хаксли Эдвин Хаббл, призывал открыть второй фронт, а Анита Лус активно собирала средства в помощь союзникам. Чарли Чаплин на обеде у Хаббла заявил, что он, будучи пацифистом, все же призывает к активным боевым действиям и при случае готов лично перестрелять как можно больше фашистов. Хаксли же твердил, что всякая война — зло. Как его ни уговаривали, он наотрез отказался участвовать в пропаганде второго фронта. Он решительно отмежевался и от критики со стороны Томаса Манна, который категорически отказывался видеть в войне лишь факт кровавой бойни вне зависимости от ее целей. Пацифистский тезис представлялся Манну по меньшей мере неуместным, если не безнравственным.

Все их аргументы не оказали никакого воздействия на Хаксли. Веданта, как уже было сказано, показала ему путь пацифиста во время войны: следует искать то, что объединяет, а не разобщает противников. А этого, в свою очередь, можно достичь лишь постигнув искусство забвения эго. О том же твердил и Херд: «Чтобы стать настоящим пацифистом, следует обрести мир внутри себя. Только тогда ты сможешь и в реальности действовать как пацифист»⁴⁹.

В 1946 году во время слушаний по делу о получении американского гражданства Олдос Хаксли, отвечая на протокольный вопрос о том, наденет ли он военную форму, если это понадобится Соединенным Штатам, заявил, что именно пацифизм, а не религиозные убеждения не позволяют ему быть причастным к войне. Судебное заседание было закрыто, и гражданства он так и не получил.

Итоги

Литература и даже наука остались в выигрыше от эмиграции Хаксли (как и Ишервуда): за четверть века, которую Хаксли провел в Соединенных Штатах, он стал одной из самых ярких фигур золотого века Голливуда, написал девятнадцать книг, в том числе романы «После многих лет», «Время должно обновиться», «Обезьяна и сущность» («Ape and Essence», 1948), «Гений и богиня» («The Genius and the Goddess», 1954), а также бесчисленное множество эссе на такие темы, как религия, психофармакология, литература, политика, биоэтика, образование, визуальные искусства и музыка. В 1959 году Американская академия искусств и литературы присудила Хаксли награду как лучшему романисту (до него этой премии удостоились Эрнест Хемингуэй, Томас Манн и Теодор Драйзер).

49 Цит. по: *Isherwood Chr. My Guru and His Disciple*. P. 133.

В Калифорнии Олдоса Хаксли окружали не только великие писатели, религиозные мыслители, актеры и композиторы — Томас Манн, Джидду Кришнамурти, Чарли Чаплин, братья Маркс, Игорь Стравинский и другие, но и многочисленные ученые, которые были в своих областях выдающимися фигурами — Эдвин Хаббл, Тимоти Лири, Алан Уоттс, Фриц Перлз, Абрахам Маслоу, Карл Роджерс и т.д. Исследователи, с которыми Хаксли обменивался мнениями, относились к нему исключительно серьезно, порой воспринимая его как коллегу и вовлекая в новаторские проекты⁵⁰. Он был едва ли не единственным писателем, который принимал участие в профессиональных симпозиумах и конгрессах по психиатрии, психологии, медицине, парапсихологии и экологии.

Одним из научных проектов, в которых Хаксли сыграл выдающуюся роль, касался психофармакологии. Сотрудничество писателя с психиатром Хамфри Осмондом, переросшее в дружбу, включало в себя не только совместное теоретизирование, но и контролируемые опыты с веществами, изменяющими сознание, с «психотомиметиками», как поначалу Хаксли предложил назвать лизергиносодержащие препараты. В результате пережитого визионерского опыта он написал трактат «Двери восприятия» («The Doors of Perception», 1953), прославивший его едва ли не больше, чем «Дивный новый мир». По мнению Хаксли, значение психоделиков (psychedelics) — такой термин утвердился в итоге — состояло в том, чтобы, не вызывая привыкания, расширять и изменять сознание с целью достичь визионерского восприятия и получить представление о трансцендентальном Чистом Свете. Профессиональному художнику слова удалось в двух книжках о «веществах» — «Двери восприятия» и «Рай и ад» («Heaven and Hell», 1956) — найти яркий и понятный язык описания и объяснения поразительных видений. Не стоит обвинять Хаксли в профанации: он прекрасно понимал разницу между визионерским опытом и подлинным религиозным преображением. Это не помешало читателям его трактатов поверить: с помощью таблетки можно соприкоснуться с тайной бытия и получить «дармовую благодать». Разумеется, Хаксли не предполагал, что станет зачинателем психоделической революции. Однако демон наркотического дурмана оказался на воле не без влияния его великолепных текстов, немедленно ставших культовыми⁵¹.

По свидетельству его второй жены Лауры Арчеры Хаксли, профессионального музыканта, а затем и психотерапевта, успешно применявшего вещества в работе с трудными клиентами (алкоголиками, невротиками, страдающими неизлечимыми заболеваниями и умирающими), Олдос никогда не изменил своего отношения к психоделическим экспериментам, несмотря на серьезную критику со стороны Томаса Манна, Джидду Кришнамурти, священников и специалистов по восточным религиям. Лаура рассказывала:

Он ни разу не принял вещество просто так, по случаю. Это имело принципиальное значение, возможно, это было важнее всего, что мы с ним делали. <...> Думаю, до того, как ему представилась возможность попробовать мескалин, у него никогда не было мистических переживаний⁵².

50 О совместных проектах Хаксли и психологов см.: [Golovacheva 2007].

51 О роли Хаксли в зарождении психоделического культа см.: [Головачева 2011].

52 Из интервью, взятого нами у Лауры Хаксли в июне 2004 года в Голливуде.

Увлечение Хаксли веществами было непосредственно связано с интересом к психотерапии — вне зависимости от конкретного направления, будь то психоанализ, гештальт-терапия и т.д. Весьма критически относясь к классическому психоанализу и бихевиоризму, Хаксли, будучи прирожденным исследователем, глубоко вникал в любую теорию и практику. «Он и мусор изучал бы точно так же, с таким же интересом, с каким изучал психотерапию»⁵³.

В Америке, кроме писательского труда, работы в голливудских киностудиях и религиозоведческих штудий, Хаксли занимался и преподаванием в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, Массачусетском техническом университете, Калифорнийском университете Лос-Анджелеса и других. Невероятная популярность его лекционных курсов и отдельных докладов обуславливалась не только тем фактом, что их читал известный писатель, — этого явно недостаточно для того, чтобы сотни студентов-естественников, а не только гуманитариев, захотели на них присутствовать (некоторые слушатели специально приезжали из других городов). В ряде случаев приходилось радиофицировать не только гигантские лекционные залы, которые не могли вместить всех желающих, но и прилегающие помещения. Не обладай писатель исключительным даром слова, публика, скорее всего, предпочла бы послушать какого-нибудь крупного ученого или профессионального философа. Причина его популярности заключалась в том, что он обращался к своим университетским слушателям как к специалистам и вместе с тем как к личностям, от которых, возможно, зависит будущее не только конкретной науки, но и всего человечества. Весь его курс лекций, прочитанных в Калифорнийском университете Санта-Барбары, был посмертно опубликован под названием «Положение человека» («The Human Situation»)⁵⁴.

За десятилетия, проведенные в Калифорнии, в результате многообразных, упорных и целенаправленных усилий Олдос Хаксли постепенно обрел целостное видение самого себя, душевную свободу от диктата разнообразных физических расстройств, научился неплохо контролировать состояние телосознания. Более того, даже мучительный смертельный недуг и изнуряющая противораковая терапия несколько не ослабили активность писателя, его интерес к науке, литературе и обыкновенной жизни. Так, в марте 1963 года, за полгода до смерти, он полетел в Рим на конференцию ООН по организации кампании против голода. Тогда же он получил аудиенцию у папы Иоанна XXIII.

Подытожим сказанное: выбор в пользу жизни вдали от Англии — в особенности в тех землях, где царит «солнце, великий бог», — был сделан Олдосом Хаксли задолго до переселения в Америку. Добровольная экспатриация, *непривязанность к определенному «дому»*, очевидно, составляли константы его характера. Даже четвертьвековое пребывание в США и попытка получить там гражданство не сделали его американским писателем. Он не прилагал никаких усилий для того, чтобы скорректировать идентичность, избавившись от «английскости», — изменить, как это сделал Ишервуд, акцент, орфографию и привычки на американский лад. Напротив, Хаксли с его безошибочно узнаваемым оксфордским выговором и манерами оставался в глазах публики типичным англичанином. Переселение за океан, которое в какой-то степени

53 Там же.

54 *Huxley A. The Human Situation: Lectures at Santa Barbara, 1959 / Ed. by P. Ferrucci. New York; Hagerstown; San Francisco: Harper & Row, 1977.*

было бегством от войны и, как он думал, возможной революции, стало особым личностным квестом, поиском философии вечности (perennial philosophy), нового интегрального мировоззрения, основанного в том числе и на практике веданты. Главная цель его существования заключалась в поиске смысла индивидуального бытия наравне с поиском общественного блага и, что еще важнее, способа примирения одного с другим. Написанный в Америке итоговый роман Хаксли «Остров» («Island», 1962) явственно свидетельствует о том, что он достиг непротиворечивого представления об утопии как реализуемом проекте. Ему удалось облечь свои идеалы и надежды в столь привлекательные образы, что это произведение стало программным для нескольких поколений. Буквально все стороны жизни, изображенные в этом романе, стали идеальными ориентирами эпохи нью-эйдж. Как видим, пребывание в Америке, изначально вынужденно-добровольное, предоставило в его распоряжение неограниченный выбор стилей жизни и творческих контактов, дало Хаксли бесценный опыт, удовлетворив его широчайшие интересы и стимулировав писательский дар.

Таким образом, итоги творческой биографии О. Хаксли существенно корректируют знаменитый тезис Теодора Адорно: «В эмиграции всякий без исключения интеллеktуал — “человек поврежденный”»⁵⁵. В релокации Олдос Хаксли «распрямился».

Библиография / References

- [Головачева 2011] — Головачева И. Двери восприятия // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель / Отв. ред. М.Ф. Надъярных, А.П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 193—211.
- (Golovacheva I. Dveri vospriyatiya // Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitalatel' / Ed. by M.F. Nad'yarnykh, A.P. Urakova. Moscow, 2011. P. 193—211.)
- [Головачева 2017] — Головачева И. Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг. М.: Языки славянских культур, 2017.
- (Golovacheva I. Putevoditel' po "Divnomu novomu miru" i vokrug. Moscow, 2017.)
- [Baxter 1976] — Baxter J. The Hollywood Exiles. London: Macdonald & Jane's Publishers, 1976.
- [Dunaway 1989] — Dunaway D.K. Huxley in Hollywood. New York; London; Toronto: Doubleday, 1989.
- [Ellis 2015] — Ellis St. British Writers and the Approach of World War II. New York: Cambridge University Press, 2015.
- [Flugge 2008] — Flugge M. Das flüchtige Paradies: Künstler an der an der Côte d'Azur. Berlin: Aufbau TB, 2008.
- [Golovacheva 2007] — Golovacheva I. Theories of the Mind and Psychotherapy in the Works of Aldous Huxley // Aldous Huxley, Man of Letters: Thinker, Critic and Artist / Ed. by B. Nugel, U. Rasch and G. Wagner. Berlin: LIT Verlag, 2007. P. 123—139.
- [Golovacheva 2018] — Golovacheva I. In Search of the Doppelgänger: Homecoming from Exile // European Writers in Exile / Ed. by R.C. Hauhart, J. Birkenstein. Lanham (Maryland): Lexington Books, 2018. P. 169—185.
- [Golovacheva 2023] — Golovacheva I. From “The Best Picture” to “The Dancing Shiva”: Aldous Huxley’s Choice of the Greatest Works of Art // Aldous Huxley Annual. 2023. Vol. 22. Berlin: LIT Verlag, 2023. P. 185—200.

55 Адорно Т.В. Minima moralia. Размышления из поврежденной жизни / Пер. с нем. А. Белобратова; под ред. Т. Зборовской. М.: Ad Marginem, 2022. С. 41.

- [Green 2018] — *Green N.B.* Children of the Sun: A Narrative of Decadence in England after 1918. Mount Jackson, VA: Axios Press, 2018.
- [Hornung 2004] — *Hornung A.* Out of Place: Extra-territorial Existence and Autobiography // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2004. Vol. 52. Nr. 4. P. 367—378.
- [Iltis 2019] — *Iltis G.* The Huxleys in Sanary (1930—1937): The Story of Fosca Gori // *Aldous Huxley Annual*. 2019. Vol. 19. Berlin: LIT Verlag, 2019. P. 219—242.
- [MacDonald 2009] — *MacDonald P.* Louis MacNeice's War // *The Oxford Handbook of British and Irish War Poetry* / Ed. by J. Kendall. New York: Oxford University Press, 2009. P. 377—397.
- [Mauthner 2007] — *Mauthner M.* German Writers in French Exile 1933—1940. London: Vallentine Mitchell, 2007.
- [Meckier 2001] — *Meckier J.* Aldous Huxley's American Experience // *Aldous Huxley Annual*. 2001. Vol. 1. Berlin: LIT Verlag, 2001. P. 227—239.
- [Morley 2006] — *Morley Sh.* The Brits in Hollywood: Tales from the Hollywood Raj. London: Robson Books, 2006.
- [Nieradka 2010] — *Nieradka M.L.* Die Hauptstadt der deutschen Literatur: Sanary-sur-Mer als Ort des Exils deutschsprachiger Schriftsteller. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.
- [Overy 2010] — *Overy R.* The Twilight Years: The Paradox of Britain between the Wars. New York: Penguin Books, 2010.
- [Palmier 2006] — *Palmier J.-M.* Weimer in Exile: The Antifascist Emigration in Europe and America / Transl. by D. Fernbach. London: Verso, 2006.
- [Parker 2004] — *Parker P.* Isherwood: A Life Revealed. New York: Random House, 2004.
- [Rohmann 2020—2021] — *Rohmann G.* Aldous Huxley and the Community of German and Austrian Refugees in France // *Aldous Huxley Annual*. 2020/2021. Vol. 20/21. Berlin: LIT Verlag, 2020—2021. P. 281—287.
- [Scott 2010] — *Scott I.* From Pinewood to Hollywood: British Filmmakers in American Cinema, 1910—1969. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.
- [Sexton 2005] — *Sexton J.* Aldous Huxley aka Condé Nast's "Staff of Experts," Part I // *Aldous Huxley Annual*. 2005. Vol. 5. Berlin: LIT Verlag, 2005. P. 1—10.
- [Sexton 2016] — *Sexton J.* An Aldous Huxley Miscellany of Uncollected Essays, Together with a Checklist of the "Marginalia" Essays from *The Athenaeum* // *Aldous Huxley Annual*. 2016. Vol. 16. Berlin: LIT Verlag, 2016. P. 1—7.
- [Sexton 2020—2021] — *Sexton J.* Aldous Huxley on France and French Literature // *Aldous Huxley Annual*. 2020—2021. Vol. 20—21. Berlin: LIT Verlag, 2020—2021. P. 229—264.
- [Stallworthy 1995] — *Stallworthy J.* Louis MacNeice: A Biography. London: Faber and Faber, 1995.
- [Taylor 1983] — *Taylor J.R.* Strangers in Paradise: The Hollywood Émigrés 1933—1950. London: Faber and Faber, 1983.